
СИМВОЛЫ И ЗНАКИ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР

Мишель Пастуро

КОРОНОВАНИЕ ЛЬВА*

К эпохе Средневековья лев уже являлся представителем местной фауны. Вживую льва можно было увидеть в зверинцах, прежде всего передвижных, кочевавших с ярмарки на ярмарку. В зверинцах раннего Средневековья преобладают медведи, кабаны и львы. В феодальную эпоху кабаны исчезают вовсе, медведей становится меньше, тогда как львов, а также леопардов и пантер, — больше. «Главной звездой зверинца остается лев — непременный атрибут любого носителя власти» (с. 50).

Куда чаще попадались львы нарисованные, скульптурные, вышитые или лепные. В иллюстрированных рукописях львы также изображаются чаще всего. Автор исследовал изображения Ноева ковчега на книжных миниатюрах Средневековья и установил, что единственное животное, которое присутствует в ковчеге всегда, — это лев (с. 60). В Средние века лев «в полной мере являлся частью повседневности» (с. 51).

Господствующее положение льва обнаруживается и в сфере эмблем и социальных кодов. Существовало множество имен, образованных от слова «лев». Лев — самая часто встречающаяся фигура в средневековой геральдике. Он присутствует более чем на 15% гербов, т.е. впятеро чаще, чем орел — следующее по частотности животное (с. 52). Лев первенствует на гербах знати и людей незнатных, в реальной геральдике и в геральдике литературной, во-

* *Пастуро М.* Коронование льва // *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья. — СПб.: Alexandria, 2012. — С. 48–65.

ображаемой. За исключением императора Священной Римской империи и короля Франции, все наследные правители на христианском Западе в тот или иной момент своей истории помещали на свои гербы льва или леопарда (который в геральдике является особой разновидностью льва).

Так случилось не сразу. С VI по XI в. лев терял свои позиции в политической символике и воинской эмблематике по сравнению с греко-римской эпохой. Массовое нашествие львов начинается со второй половины XI в. По мнению автора, «определяющую роль сыграло здесь не влияние крестовых походов и заимствование франками византийских и мусульманских знаков отличия и эмблематических практик, а скорее регулярный ввоз с Ближнего и Среднего Востока тканей и предметов искусства, на которых часто изображались львы, и иногда почти в геральдических позах» (с. 53). Во второй половине XII в. щит со львом становится стереотипным щитом христианского рыцаря во всех произведениях латинской, французской и англо-нормандской литературы. Он противопоставлен щиту с драконом, характерному для языческого воина.

В Библии лев упоминается довольно часто, однако «плохой» лев встречается здесь чаще «хорошего». В Новом Завете лев сравнивается с дьяволом: «противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Пет. 5:8). «Хороший» лев – эмблема колена Иудина, самого могучего из колен израильских. На этом основании он ассоциируется с Давидом, его потомками и даже с Христом: «Вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил» (Откровение, 5:5).

Греческие и латинские авторы часто упоминают о льве, но нигде он не именуется прямо царем зверей. А Плиний, кажется, даже предпочитает видеть в этой роли слона. Шесть веков спустя Исидор Севильский, напротив, называет его «царь, сиречь глава всех диких зверей». В данном случае мы имеем дело с восточной (возможно, иранской) традицией, которая практически неизвестна классическим греко-римским авторам, занимает скромное место в библейских текстах и медленно проникает на Запад в эпоху эллинизма (с. 55).

Противоречивый символизм библейского льва проявляется в христианской символике раннего Средневековья. Вслед за Августином, заклятым врагом льва и всех хищных зверей, большинство

Отцов Церкви видят в нем дьявольского зверя. В согласии с восточными традициями, в частности с басенной, лев в бестиариях почти всегда предстает как *rex omnium bestiarum*, «царь всех диких зверей», а не как *rex animalium*, «царь животных». Царем всех зверей вообще он станет позже, в XIII в. В больших энциклопедиях этого времени подчеркиваются его сила, смелость, щедрость и великодушие, т.е. качества, свойственные королям.

Под влиянием латинских бестиариев лев приобретает христологическое значение. Лев, который щадит поверженного противника, – это Господь, который в милосердии своем щадит раскаявшихся грешников. Лев, который на третий день оживляет дыханием своих мертворожденных детей, олицетворяет Воскрешение (с. 57).

Проблема «плохого льва» была решена на рубеже XI–XII в. его превращением в отдельное животное со своим собственным именем – чтобы не путать его со львом христологическим. Таким животным становится леопард – не настоящий, а воображаемый. Он наделен многими качествами и внешними признаками льва (хотя не имеет гривы), но отличается дурной натурой. В геральдике он предстает в качестве свергнутого льва, полульва и даже противника льва. В этой последней роли леопард предстает животным, родственным дракону, или союзником дракона (с. 58).

Геральдический леопард – это просто-напросто лев, у которого голова изображена анфас, а тело в профиль, в то время как у льва голова и тело всегда изображены в профиль. В средневековой зооморфной иконографии изображение животного анфас почти всегда имеет уничижительное значение. «Можно поразмыслить: не являются ли все эти бесчисленные хищники, изображаемые в романской скульптуре с головой, развернутой анфас, и с широко раскрытой пастью, именно леопардами?» (с. 58).

Герб с тремя леопардами первым стал использовать Ричард Львиное Сердце с конца XII в., а затем – все его преемники. Однако с середины XIV в. герольды английских королей предпочитают избегать слова «леопард», предпочитая ему выражение «львы шагающие стерегущие». Не меняя своего облика, путем простой терминологической замены, английские гербовые леопарды превращаются во львов и в этом качестве фигурируют поныне на гербе Елизаветы II.

В иконографии раннего Средневековья у животных было двое «предводителей» – медведь и лев. Медведь был главой животных в германской и кельтской традициях. Решительную победу лев одерживает в XII в., причем в основном благодаря позиции Церкви. В зооморфных культах медведь нередко наделялся антропоморфными характеристиками, в частности потому, что он способен ходить на задних лапах. «Медведь – это волосатый зверь, *masle beste*, а в широком смысле – дикий человек» (с. 62). В Каролингскую эпоху в значительной части германо-скандинавских областей Европы медведь оставался объектом языческих культов, и Церковь «повсюду ходит львом против медведя» (с. 63). В житиях святых часто рассказывается о том, как божий человек своими добродетелями подчинил себе страшного медведя. На рубеже XII–XIII вв. лев, вытеснив медведя, становится царем зверей не только в восточной и южной традициях, но и в северо-западной.

К.В. Душенко